

РАЗГОВОР ЗА КУЛИСАМИ

27 ПАРТИЙ КЛАРЫ ИНКИНОЙ

Двенадцать лет поет на сцене Горьковского театра оперы и балета им. А. С. Пушкина Клара Инкина. За это время в театре почти не было премьер, в которых бы она не исполняла ведущих партий. Только что ей присвоено звание заслуженной артистки РСФСР. С Klarой Инкиной беседует наш корреспондент Л. Шевчук.

— Клара Акимовна, как Вы пришли в искусство?

— Мое детство и юность связаны с Украиной, городом Нежином. Петя я любила с детства. Много и охотно занималась в школьной художественной самодеятельности. В пятидесятых годах в Киеве на одной из художественных олимпиад школьников Украины мне присудили диплом первой степени. А председатель жюри народный артист СССР, профессор Киевской консерватории А. С. Паторжинский сказал мне: «Ты должна петь, деточка и ты будешь петь».

Эти слова и решили мою дальнейшую судьбу. После десятилетки я подала заявление в консерваторию. Музыкального образования у меня не было, тем не менее вступительные экзамены в Киевскую консерваторию я сдала уверенно и попала в класс замечательного педагога, народной артистки З. М. Гайдай. Она-то и привила мне любовь к оперной музыке. В студенческие годы опера всецело владела моим умом и чувствами, заветной мечтой было стать солисткой оперного театра. Но жизнь рассудила иначе—я стала солисткой украинской академической хоровой капеллы «Думка».

Работа в «Думке» и общение с таким крупным музыкантом, каким являлся тогдашний художественный руководитель и главный дирижер капеллы А. Н. Сорока, мне как певице дали очень много. Меня, однако, не покидало чувство какой-то неудовлетворенности и невыполненного долга — я мечтала петь в опере... Вот почему с большой радостью приняла я в 1966 году предложение художественного руководства Горьковского театра.

— За двенадцать лет Вы спели на сцене Горьковского театра оперы и балета двадцать семь партий. Какие наиболее любимы?

— Розина из «Свадьбы Фигаро». В этой опере меня привлекает не только ясность и гармоничность, оптимизм музыки Моцарта, но ее простота и сложность. Именно на такой музыке должны воспитываться и расти певцы. Да и вообще все наиболее удачные мои работы связаны с «простыми» и «сложными» операми: «Травиата», «Богема», «Чио-Чио-сан»...

— Горьковские поклонники оперного искусства считают большой Вашей творческой удачей и образ Баттерфляй. Вы заставляете слушателей сопереживать и волноваться за судьбу своей героини. Как Вы добываетесь такой большой достоверности воплощения?

— Для солиста оперы работа над образом начинается с выучки нотного материала, она продолжается в процессе концертмейстерских уроков, когда стремишься найти звуковую манеру партии, свои индивидуальные выразительные краски. Образ рождается в ходе репетиций, которые всегда сопряжены с поисками и находками. Во время репе-

тиций спектакля для себя открываешь новый мир. Прежде всего я стремлюсь понять характер своей героини, вникнуть в образ до мелочей — ведь порой какой-то штрих дает ключ к раскрытию характера. Работая, к примеру, над партией Чио-Чио-сан, я не раз перечитала овчинниковскую «Ветку сакуры», неоднократно смотрела фильм «Женщины Востока», внимательно приглядывалась при этом, как японки носят свои кимоно, какая у них походка... Что же касается конкретно образа Баттерфляй, то как женщина и как мать я понимаю ее материнские чувства; глубокая, чистая, оскорбленная и поруганная ее любовь вызывает у меня сочувствие.

— В Вашем репертуаре есть немало партий из опер советских композиторов: «Обручение в монастыре» Прокофьева, «Степан Разин» и «Фома Гордеев» Касьянова, «А зори здесь тихие» Молчанова, «Летят журавли» Нестерова. Наверное, в условиях оперного театра нелегко создавать образы современниц?

— Когда я разучивала партию Луизы из «Обручения в монастыре», мне было нелегко освоить и сложный строй мелодии, и необычную гармонию музыки Прокофьева. Но постепенно преодолела непривычность интонации и в конце концов мелодии композитора стала воспринимать как нечто чрезвычайно естественное. А когда преодолела свое «не понимаю» и «не принимаю», то испытала чувство огромной радости от того, что сделала шаг вперед в своем познании.

Работать над образами современниц чрезвычайно сложно и ответственно. К тому же героини опер А. Нестерова и К. Молчанова были хорошо знакомы зрителям по кинофильмам. Малейшая фальшь, неточность могли нарушить цельность образа, его достоверность. Все нужно сделать естественным и правдивым — каждый жест, мимику, выражение чувств. Особенно важно найти современный стиль исполнения, верные вокальные интонации при передаче голосом таких чувств, как страдание или радость, любовь или страх, боль...

И, конечно, в работе над образами моих современниц мне помогают жизненный опыт и наблюдательность. Всякий раз, выходя на сцену в спектаклях «Летят журавли», «А зори здесь тихие», я вспоминала суровые и трагические дни Великой Отечественной войны, нелегкое детство, госпиталь, в который я, восьмилетняя девочка, прибегала после уроков, чтобы петь для раненых бойцов свои любимые песни.

— Ваши творческие планы?

— Сейчас я работаю над сольным концертом, в программе которого арии и романсы русских, советских композиторов и западных: Моцарта, Вебера, Рахманинова, Мейтуса, Прокофьева, Касьянова и других. И жду встречи с новой, интересной советской оперой.